

борьба против феодализма велась народом, снизу, в Византии будто бы вся тяжесть этой борьбы выпала на долю василевсов (стр. 411—421).¹

Одним из показателей интенсивного стремления к повышению идейно-теоретического уровня исторических исследований является весьма заметный рост интереса со стороны болгарских ученых к состоянию и достижениям исторической науки в СССР. Начинают появляться и переводы работ советских византинистов. Например под редакцией проф. Ал. Бурмова была переведена „История Византии“ М. В. Левченко (издана в Софии в 1948 г.). Обзоры новых советских византиноведческих изданий печатаются не только в исторических,² но даже и в педагогических журналах.³

Об идейно-теоретическом росте болгарских медиевистов убедительно говорит новое большое исследование Димитра Ангелова „Богомилство в Болгарии“, вышедшее в свет еще в 1947 г., в котором Ангелов дает правильный ответ на вопрос о возникновении богомилского движения, показывая его неразрывную связь с широкими слоями болгарского крестьянства и плебейством болгарских городов.⁴

Но едва ли следовало Д. Ангелову торопиться с изданием учебного пособия по истории Византии XIII—XV вв., составленного по его собственным лекциям, которое появилось в свет в 1948 г.⁵ В книге отсутствует развернутый анализ социально-экономического развития поздней Византии, характеристика противоречий этого развития, его кризиса. Параграфы о хозяйственном положении Никеи (стр. 38—46), Эпира (стр. 46—54), Византии при Палеологах (стр. 54—74) носят несколько описательный характер и недостаточно связаны с освещением других сторон общественной жизни. Автор не занимается вопросом борьбы между основными антагонистическими классами поздней Византии. Так, например, при изложении событий середины XIV в. (стр. 107 сл.) на первый план выдвинуты не основные классовые противоречия, не антифеодальный характер выступлений народных масс Фракии и Македонии, а междоусобицы феодальных кланов. И политическая история поздней Византии — главный предмет внимания автора — изложена в форме перечисления „политических и церковных событий“ (стр. 3—37, 80—152). То же и в разделе культуры (стр. 165—204): перечисляются имена писателей, историков, теологов и т. д., мелькают названия их произведений, но нет истории развития литературы, историографии, теологии. О народной литературе и народном искусстве автор не упоминает.

Общие итоги развития болгарской исторической науки с 9 сентября 1944 г. до конца 1947 г., т. е. за время первого этапа развития

¹ Меньше „теоретической“, но интересной по обиллию фактического материала является работа Д. Ангелова „Съобщително-операционни линии и осведомителна служба във войните и външно-политическите отношения между България и Византия през XII—XIV в.“ (Известия на Българ. историч. друж., кн. XXII—XXIV, 1948). Это — кропотливо составленная сводка фактического материала по указанным в заглавии вопросам из византийских и отчасти западноевропейских авторов. Используются, к сожалению, только письменные источники.

² См., например, рецензию Сони Георгиевой на „Византийский сборник“: Известия на Българ. историч. друж., кн. XXII—XXIV, София, 1948.

³ Так, например, обзор Ив. Великова „Нови византийски проучвания в СССР“ был напечатан в журнале „Училищен преглед“ (кн. 5—6, 1947).

⁴ Д. Ангелов. Богомилство в България. София, 1947, стр. 16 сл., 51 сл. и др. См. русский перевод: Д. Ангелов. Богомилство в Болгарии. М., 1954.

⁵ История на Византия, ч. II. 1948, стр. 1—206.